

ЮРИДИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ

Убедить нельзя принудить: цель и функции конституционно-судебной аргументации

Алдар Чирнинов*

Современной науке присуще стремление к универсализации знания, ибо неперенным атрибутом научного знания выступает его всеобщность. Тем не менее это стремление иногда наталкивается на препятствия, обусловленные наличием объектов, знания о которых с трудом поддаются обобщению — ввиду, прежде всего, их функциональной зависимости от других процессов и явлений. К их числу можно отнести и аргументацию. Обосновывая тезис о том, что выполняемые аргументацией функции варьируются в зависимости от характера обслуживаемой ею деятельности, автор выясняет, как процесс обоснования конституционно-судебных решений способствует развитию и функционированию правопорядка, и благодаря этому раскрывает цель и функции конституционно-судебной аргументации. Синтезируя имеющиеся знания о механизме осуществления конституционно-судебного контроля с теми возможностями, которые предоставляют аргументативные средства, и обозначив, какие нормоконтрольные задачи могут быть выполнены исключительно путём обращения к аргументации, автор выделяет нормативно-корректирующую, прогностическую, познавательную и легитимирующую функции конституционно-судебной аргументации. В работе приводятся конкретные основания для выделения названных функций и последовательно раскрывается их содержание. Акцентируется внимание на узловом характере познавательной функции, реализующейся в трёх относительно автономных измерениях: конституционно должного, нормативно наличествующего и сущего. С учётом выполнения аргументацией нормативно-корректирующей функции, а также принимая во внимание имманентно присущее спору (конфликту) расхождение интересов его участников, автор констатирует снижение пригодности понятия аудитории для объяснения аргументационных закономерностей, которым подчиняется конституционно-контрольная деятельность, и отказывается рассматривать убеждение аудитории и её присоединение к выдвинутому тезису в качестве инвариантной цели конституционно-судебной аргументации. Делается вывод о том, что конституционно-судебная аргументация ввиду своей подчинённости нормоконтрольным задачам нацелена в первую очередь на формирование достоверных представлений о конституционно должном, нормативно наличествующем и сущем, с тем чтобы орган конституционно-судебного контроля имел возможность осуществить адекватную нормативную коррекцию действующего правового регулирования, отвечающую требованиям обоснованности и легитимности.

DOI: 10.21128/1812-7126-2021-4-68-96

→ *Юридическая аргументация; конституционное правосудие; функции аргументации; рассуждение; познание*

* Чирнинов Алдар Мункожаргалович — кандидат юридических наук, научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, старший преподаватель кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, Екатеринбург, Россия (e-mail: chir-aldar@yandex.ru). Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-60022 «Теория и методология конституционно-судебной аргументации: сравнительно-правовое исследование». Автор выражает признательность анонимным рецензентам за ценные замечания и рекомендации.

1. Введение

Начиная со второй половины XX века, теория аргументации находится в фокусе всеобщего исследовательского внимания. Осознав неспособность формальной логики объяснить всё многообразие аргументативных практик, учёные, представляющие разные отрасли научного знания, начали активно прорабатывать — со своих, разумеется, мировоззренческих позиций — коммуникативные, психологические и лингвистические аспекты аргументации, рефлексировать над её риторическими, диалектическими и когнитивными компонентами, выделять различные уровни аргументационного анализа, а также формулировать комплексные (интегративные) решения к моделированию и реконструкции аргументации.

Закономерным следствием такого многообразия исследовательских подходов и соответствующих им методологических установок стало то, что аргументация как явление начала изучаться дискретно, то есть с сознательным игнорированием свойств, которые не представляют интереса для конкретной науки. Как следствие, теория аргументации подверглась и продолжает подвергаться серьёзной фрагментации. Неслучайно А. И. Мигунов и Е. Н. Лисанюк, анализируя современное состояние теории аргументации, используют такую удачную характеристику, как многоликость¹.

При этом, стремясь обеспечить оригинальность и новизну своим работам, многие авторы стали вкладывать в одни и те же понятия разные, а порой и противоположные смыслы либо обозначать одни и те же явления разными терминами² (например, «схема аргументации», «аргументационная конструкция», «структура аргументации»³ и т. д.), что также не способствует формированию общей теории аргументации.

Но так ли критична описанная дискретность научного познания? Разумеется, будучи вынужденными акцентировать внимание на частных аспектах аргументации, исследователи формируют оценки и предлагают конструкции, которые порой совершенно неуместны в контексте отдельных видов деятельности (скажем, «универсальная аудитория»⁴, «стратегическое маневрирование»⁵ и прочее). Однако их неуместность обуславливается, по-видимому, не ошибочностью предлагаемых подходов, а их элементарной непри-

¹ См.: Мигунов А. И., Лисанюк Е. Н. Теория аргументации: конкуренция современных исследовательских подходов // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1 (90). С. 77–87, 80.

² Как верно замечает А. С. Боброва, «междисциплинарность аргументационных исследований вынуждает нас смириться с тем, что в теории аргументации, во-первых, отсутствует единый терминологический аппарат, а во-вторых, отсутствует единое понимание предмета и задач» (Боброва А. С. Теория аргументации сегодня и проблема субъекта // Рацио.ру. 2014. № 13. С. 7–19, 8).

³ Анализ содержания и соотношения приведённых понятий см.: Зайцев Д. В. Схемы аргументации: игры риторического mind'a или источник общезначимости аргументативных рассуждений? // Рацио.ру. 2010. № 4. С. 57–77.

⁴ Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation. Notre Dame, IN ; London : University of Notre Dame Press, 1971. P. 31–35. Считаю важным исходить из того, что стандарты обоснования (критерии корректности юридического рассуждения) всегда являются результатом конвенции, достигаемой в рамках профессионального сообщества. Это закономерно, так как лица, не имеющие специальных познаний в области права, при всём желании не смогут дать адекватную оценку принятому конституционно-судебному решению хотя бы потому, что они с высокой степенью вероятности будут пропускать (не замечать) энтимемные конструкции (опущенные посылки). В связи с этим вспоминаются слова профессора Н. Н. Тарасова о том, что «мы читаем книги не глазами, а знаниями».

⁵ Данное понятие используется сторонниками прагма-диалектического подхода к аргументации. См., например: Van Eemeren F. H. Strategic Maneuvering in Argumentative Discourse: Extending the Pragma-Dialectical Theory of Argumentation. Amsterdam; Philadelphia, PA : John Benjamins Publishing Company, 2010.

менимостью к конкретным практическим ситуациям. Как представляется, это касается и понимания функций, которые выполняет аргументация.

Возьмём, к примеру, аргументацию, приводимую в рамках исторического спора. Благодаря корректно выстроенным рассуждениям историк сможет более или менее достоверно реконструировать прошлое. Но как бы он ни старался, его аргументы не способны изменить прошлое — они меняют лишь *представления* о прошлом. Следовательно, в историческом контексте аргументация выполняет описательно-повествовательную функцию.

В рамках научно-педагогической деятельности рассуждения необходимы для обоснования самого знания, их проверки и качественной трансляции, с тем чтобы в конечном счёте было обеспечено адекватное понимание обучающимися преподаваемого предмета. Такая целевая установка неизбежно выводит на первый план объяснительно-дидактическую функцию аргументации.

Осуществляя дипломатическое взаимодействие и продвигая собственную повестку, государства стремятся найти точки соприкосновения, обозначив общие интересы и обнажив истоки возникающих разногласий, что требует умения выявлять позицию государства-партнёра и грамотно доносить свою собственную позицию⁶. В таких условиях приводимая аргументация, естественно, начинает выполнять информирующую и гармонизирующую функции.

Таким образом, можно отчётливо увидеть, что аргументация не является самодостаточным феноменом, будучи во многом призванной обслуживать деятельность, вокруг которой она выстраивается⁷. В связи с этим довольно символично, что термин «функция», например, в математическом значении выражает свойство зависимости, когда изменение одной величины меняет показатели другой величины⁸.

Поэтому, чтобы понять, в чём состоят цель и функции конституционно-судебной аргументации, необходимо проследить, как аргументация, опосредуя конституционный контроль, оказывает влияние на развитие и функционирование правопорядка, отражается на правотворческой и правоприменительной деятельности и в целом воздействует на социальные отношения, трансформируя в итоге поведение людей.

Данная исследовательская задача имеет важное теоретическое значение, поскольку именно выполняемые аргументацией функции задают структуру аргументации, определяют пригодность и степень востребованности тех или иных аргументативных средств и, что самое главное, обуславливают необходимость формулирования специальных правил рассуждения. Следовательно, не обозначив с учётом особенностей отправления кон-

⁶ См., например: *Ежкова В. А.* Дипломатическая риторика: жанровое своеобразие и строение аргументации // Риторические традиции и коммуникативные процессы в эпоху цифровизации / под общей ред. Ч. Б. Далецкого, А. Ю. Платко. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2020. С. 266–281.

⁷ Корреляция функций аргументации и предметной сферы её приложения очевидна. Определяя пригодность того или иного подхода к аргументации в зависимости от стоящих перед аргументирующим субъектом задач, Е. Н. Лисанюк отмечает, что «если эту сферу составляют задачи эпистемологии и функции обоснования знания, то предпочтительней будет логическая перспектива. В тех случаях, когда сфера интересов заключается в вопросах конфликторазрешения, то ведущую роль будет играть диалектическая перспектива» (*Лисанюк Е. Н.* Логико-когнитивная теория аргументации: дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2015. С. 70). Также нужно отметить, что, пожалуй, нет ни одной рациональной сферы человеческой деятельности, где имеет место «спор ради спора». Полагаю, что если участником спора ставится цель победить в нём любой ценой, то такой спор уже нельзя признать аргументативным.

⁸ В связи с этим в научной литературе даже констатируется принципиальная неопределяемость понятия функции. Подробнее об этом см.: *Владимиров А. Ф.* Функция как одно из первоначальных неопределяемых понятий математики или диалектика категорий «предмет» и «функция» // Вестник Рязанского государственного агротехнологического университета им. П. А. Костычева. 2012. № 4 (16). С. 14–21, 14–15.

ституционного правосудия цель и функции аргументации по конституционным делам, невозможно рассчитывать на формирование теории конституционно-судебной аргументации, на важность разработки которой справедливо указывается в научной литературе⁹.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что адекватное понимание того, какую цель преследует конституционно-судебная аргументация и какие конкретно функции она выполняет, существенно облегчает процесс выявления аргументативных паттернов, встречающихся в конституционном дискурсе, и позволяет тем самым глубже понять механизм порождения аргументов, что является неременным условием для качественного постижения сути рассматриваемых конституционно-правовых проблем.

2. Цель и функции конституционно-судебной аргументации

Как уже было продемонстрировано, выполняемые аргументацией функции тесно коррелируются с природой деятельности, осуществлению которой аргументация способствует. Применительно к конституционному контролю это означает, что цель и функции конституционно-судебной аргументации предопределяются сущностными характеристиками рассматриваемых споров, основаниями и причинами их возникновения, а также порядком, средствами и перспективами их разрешения.

Соответственно, исследовательская задача состоит в том, чтобы синтезировать имеющиеся знания о механизме осуществления конституционно-судебного контроля с возможностями, которые предоставляют аргументативные средства. При этом, чтобы корректно обозначить содержание выполняемых аргументацией функций, важно выяснить, какие конституционно-контрольные задачи можно выполнить исключительно в аргументативной форме.

С учётом этого полагаю необходимым выделить нормативно-корректирующую, прогностическую (нормативно-ориентирующую), познавательную и легитимирующую функции аргументации по конституционным делам.

2.1. Нормативно-корректирующая функция

Во многих правовых конституционно-судебный контроль принято относить — причём вполне обоснованно — к экстраординарным средствам правовой защиты¹⁰.

⁹ См., например: Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности) : моногр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. С. 205. Обращая внимание на особый характер когнитивных задач, стоящих перед конституционным правосудием, Г.А. Гаджиев отмечает, что «необходимо разработать специальную теорию аргументации в конституционном судопроизводстве».

¹⁰ Недопустимость «превращения Конституционного Суда России из экстраординарного средства судебной защиты конституционных прав в дополнительную кассационную или надзорную инстанцию» осознаётся самим судом. См.: Информация «Конституционно-правовые аспекты совершенствования правоприменительной деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2016–2018 годов)», одобренная решением Конституционного Суда России от 25 октября 2018 года. Подобные соображения оказываются уместны и в условиях функционирования децентрализованной модели конституционного контроля. Например, в США укоренилась доктрина конституционного уклонения (англ.: *constitutional avoidance doctrine*), требующая от судов, чтобы они воздерживались от проверки конституционности нормы, если сомнения в её конституционности можно устранить путём конституционно-приемлемого толкования. Раскрывая содержание данной доктрины, Верховный суд США отмечал: «...если приемлемое в других отношениях толкование закона вызовет серьезные конституционные проблемы, Суд истолкует закон таким образом, чтобы избежать подобных проблем, если только такое толкование явно не противоречит намерениям Конгресса» (решение Верховного суда США по делу *DeBartolo Corp. v. Gulf Coast Trades Counc.*,

Стремление позиционировать данный вид контроля в качестве исключительной меры судебного реагирования продиктовано тем, что предметом конституционно-судебной проверки выступают прежде всего акты представительной власти. Поскольку парламент черпает свои законодательные полномочия из принципа народного суверенитета и осуществляет свою власть независимо от других ветвей власти, считается, что судебное вмешательство в деятельность представительного органа следует допускать лишь в исключительных случаях, в частности когда правотворческим органом нарушаются нормы, имеющие конституционное значение. Что касается прагматического аспекта, то исключительный характер конституционного контроля связан с обременительностью, длительностью и неповоротливостью законодательной процедуры, что позволяет инициировать её в принудительном порядке лишь тогда, когда отсутствуют иные способы восстановления конституционного порядка и защиты основных прав.

Квинтэссенцией такого понимания института конституционно-судебного контроля, безусловно, стало формулирование и внедрение презумпции конституционности нормативных актов¹¹. Будучи призванной обеспечивать стабильность нормативно-правового регулирования и существующих правоотношений¹², названная презумпция исходит из того, что любой нормативно-правовой акт считается конституционным, пока в установленной процедуре не будет приведено свидетельств (веских доводов) об обратном¹³. В аргументационном контексте данное нормативное суждение условно можно назвать *исходным тезисом конституционного дискурса*.

Представляется, что именно наличие (действие) презумпции конституционности нормативных актов предопределило особую значимость аргументации для конституционно-контрольной деятельности. Имея характер нормативного предположения относительно качества правотворческого материала, данная презумпция вовсе не отрицает существования в правовом порядке конституционно дефектных норм и, стало быть, не блокирует саму возможность их обнаружения и исправления; она лишь требует для своего опровержения приведения должного обоснования.

Такой подход разумен, ибо субъекты, осуществляющие правотворческую деятельность, не застрахованы от ошибок и могут сконструировать недействительные нормы¹⁴,

485 U.S. 568 (1988). Цит. по: Vitarelli A. Constitutional Avoidance Step Zero // Yale Law Journal. Vol. 119. 2009. No. 4. P. 837–846, 838).

¹¹ О том, какое содержание в данную презумпцию вкладывает американский правовой порядок, см.: Barnett R.E. Restoring the Lost Constitution: The Presumption of Liberty. Princeton, NJ ; Oxford : Princeton University Press, 2005. P. 151–152.

¹² «Пока норма не признана неконституционной, ее применение, исходя из презумпции конституционности, не должно считаться ошибочным. Иное ставило бы под сомнение такую значимую ценность[,] как стабильность правоотношений» (Зорькин В.Д. Актуальные проблемы деятельности Конституционного Суда РФ: вопросы и ответы // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=74> (дата обращения: 13.08.2021)).

¹³ Конституционный Суд России выводит презумпцию конституционности из презумпции добросовестности законодателя и считает недопустимым ставить под сомнение конституционность закона «без должных на то оснований, установленных в конституционном судопроизводстве» (пункт 2.3 мотивировочной части Определения Конституционного Суда РФ от 7 июля 2016 года № 1358-О).

¹⁴ Скорее всего, именно риск появления недействительных норм даёт основание в качестве неотъемлемого элемента понятия права рассматривать «притязание на правильность». Действительно, какой был бы резон формулировать в юридическом дискурсе аргумент правильности, если бы правовой порядок всегда мог рассчитывать на безгрешность? О содержании претензии правовой системы на правильность см.: Алексин Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / пер. с нем. А. Н. Лаптева при участии Ф. Кальшойера. М. ; Берлин : Инфотропик Медиа, 2011. С. 41. В связи с этим можно поддержать позицию В. А. Сивичко, рассматривающего презумпцию конституционности нормативного акта в качестве составляющей презумпции «правильности акта», ибо без признания того, что «нижестоящий акт априори соот-

что, собственно, заставляет признавать *неокончательную природу нормативных предписаний*. Соответственно, для ниспровержения негодных результатов правотворчества должны быть задействованы триггеры, подвигающие к необходимым нормативным изменениям. Такими триггерами в контексте конституционно-контрольной деятельности и становятся доводы, свидетельствующие о том, что спорные юридические предписания лишены оснований их действительности, — оснований, которые дают нормам право на существование.

Недаром во многих правовых порядках отсутствие аргументов, обосновывающих неконституционность нормативно-правового акта, автоматически влечёт признание обращения недопустимым. Например, согласно абзацу 1 параграфа 23 Закона о Федеральном конституционном суде Германии подаваемые заявления должны содержать необходимые доводы (нем.: *sie sind zu begründen*)¹⁵. Конституционный Суд России также рассматривает обоснование позиции заявителя в качестве обязательного условия принятия обращения к рассмотрению: как следует из пункта 8 части второй статьи 37 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», заявитель обязан привести правовое обоснование со ссылкой на соответствующие положения Конституции России¹⁶.

В связи с этим нельзя не отметить, что подобной логике подчинены многие доктринальные конструкции, призванные смягчить негативные проявления юридического формализма. С этой целью в правовой доктрине обосновано, в частности, *свойство отменяемости* (англ.: *defeasibility*) юридических предписаний, позволяющее отступать от тех или иных общеобязательных правил путём формулирования исключений. Обобщённо названное свойство может быть представлено в следующем виде: «Правовая норма может быть дополнена имплицитными исключениями, которые не могут быть исчерпывающим образом перечислены *ex ante*»¹⁷. Эти исключения, как нетрудно догадаться, необходимы для того, чтобы обеспечить разумное и справедливое разрешение возникших споров и конфликтов.

Если же поместить названное свойство в конституционно-контрольный контекст, то окажется, что есть все основания утверждать о тотальной отменяемости (оспоримости) юридических предписаний. Дело в том, что обеспечение конституционности нормативно-правового регулирования может потребовать не только формулирования исключений из общих правил, но практически любых правотворческих манипуляций¹⁸.

Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на трансформации, которые претерпевает система действующего правового регулирования под воздействием конституционно-судебных решений. Так, для приведения правовой нормы в соответствие с конститу-

ветствует вышестоящему нельзя рассчитывать, что норма закона воплотится в конкретных правоотношениях» (Сивицкий В. А. Презумпция конституционности нормативного правового акта: отдельные аспекты // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 499—502, 499).

¹⁵ См.: Bundesverfassungsgerichtsgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 11. August 1993 (BGBl. I S. 1473), das zuletzt durch Artikel 4 des Gesetzes vom 20. November 2019 (BGBl. I S. 1724) geändert worden ist. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/bverfgg/_23.html (дата обращения: 13.08.2021).

¹⁶ В качестве примера, когда Конституционный Суд России беспощадно сужал предмет проверки ввиду бездоказательности некоторых утверждений заявителей, см.: абзацы 1—2 пункта 2 и абзац 2 пункта 4 мотивировочной части Определения Конституционного Суда РФ от 5 ноября 2003 года № 343-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 1.

¹⁷ Poggi F. Defeasibility, Law, and Argumentation: A Critical View from an Interpretative Standpoint // Argumentation. Vol. 35. 2021. No. 3. P. 409—434, 413.

¹⁸ Используя слово «манипуляция», автор не стремится вызвать отрицательные коннотации, а хочет лишь подчеркнуть ручной, выборочный характер нормативных изменений.

цией может потребоваться сузить либо расширить её гипотезу¹⁹, изменить содержание её диспозиции²⁰, скорректировать предусмотренные ею санкции²¹, уточнить механизм действия нормы во времени²², в пространстве²³ и по кругу лиц²⁴, разрешить её коллизию (конкуренцию) с другими правовыми нормами²⁵, исключить противоречащие друг другу варианты её толкования²⁶, дисквалифицировать рассматриваемую норму²⁷, настроить отдельные параметры нормативного регулирования (восполнить законодательные пробелы²⁸, устранить неопределённость и несогласованность нормативных предписаний²⁹, предусмотреть дополнительные гарантии³⁰) и т. д.³¹ При этом все перечисленные правотворческие манипуляции, инициируемые либо осуществляемые органами конституционного правосудия, должны сопровождаться конституционным обоснованием, поскольку в противном случае конституционно-судебные предписания будут восприняты в качестве актов правотворчества, осуществлять которое органы конституционного правосудия в силу принципа разделения властей не уполномочены³². Поэтому можно утверждать, что конституционно-судебная аргументация направлена на обнаружение предпосылок для реализации в установленной процедуре принципа оспоримости (отменяемости) нормативных предписаний.

¹⁹ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2020 года № 37-П // Собрание законодательства Российской Федерации (*далее* — СЗ РФ). 2020. № 30. Ст. 5000.

²⁰ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 года № 2-П // СЗ РФ. 2017. № 9. Ст. 1422.

²¹ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 года № 4-П // СЗ РФ. 2014. № 10. Ст. 1087.

²² См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2016 года № 3-П // СЗ РФ. 2016. № 8. Ст. 1167.

²³ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 2012 года № 22-П // СЗ РФ. 2012. № 44. Ст. 6071.

²⁴ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2017 года № 40-П // СЗ РФ. 2017. № 51. Ст. 7915.

²⁵ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 года № 13-П // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.

²⁶ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 июня 2020 года № 28-П // СЗ РФ. 2020. № 27. Ст. 4286.

²⁷ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 1995 года № 17-П // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 54.

²⁸ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2020 года № 34-П // СЗ РФ. 2020. № 29. Ст. 4735.

²⁹ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2015 года № 9-П // СЗ РФ. 2015. № 21. Ст. 3149.

³⁰ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2012 года № 34-П // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 78.

³¹ Обозначенные правотворческие манипуляции не являются исчерпывающими. Нужно отметить, что нормативная коррекция может быть настолько многогранной, насколько многомерным может быть нормативное пространство.

³² Здесь, видимо, необходимо дать некоторые пояснения относительно того, как автор разграничивает, с одной стороны, правотворчество, осуществляемое законодательными органами (первичное правотворчество) и органами исполнительной власти (делегированное правотворчество), и, с другой стороны, правотворческую активность органов конституционно-судебного контроля. Первые могут осуществлять правотворчество постольку, поскольку его результаты не противоречат конституции (отсюда законодательные решения могут быть продиктованы любыми правомерными соображениями, в том числе политической целесообразностью), тогда как конституционные суды вправе проявлять правотворческую активность лишь в той мере, в какой конституционно-судебные решения устраняют либо способствуют устранению возникших несоответствий между правотворческими актами и конституционными установлениями. В определённой степени подобное разграничение отражает логику деления на общедозволительный и разрешительный типы правового регулирования.

Изложенное позволяет заключить, что в рамках конституционного контроля аргументы приводятся для того, чтобы изменить законодательный *status quo*, обосновав необходимость приведения нормативных положений в соответствие с конституцией либо истолкования их сообразно конституционным установлениям. В более частном плане рассуждения, выстраиваемые в ходе обоснования конституционно-судебного решения, отражают процесс критического осмысления *lex lata* с одновременной проекцией идеальной (оптимальной) нормативной модели, укладываемой в конституционные рамки. Иными словами, приводимая аргументация призвана показать наиболее приемлемый с конституционной точки зрения вариант регулирования, обозначить допустимые правотворческие отклонения от конституционных эталонов (стандартов) правового нормирования и объяснить, почему и в какой части спорное нормативно-правовое регулирование — исходя из конституционных требований — должно быть скорректировано.

Поэтому вполне закономерно, что в ходе конституционно-судебного разбирательства судьи могут адресовать сторонам вопросы, направленные на уточнение содержания требуемой нормативной коррекции. Например, судья Конституционного Суда России М. И. Клеандров однажды поинтересовался у представителя заявителя В. В. Лазарева: «Не могли бы Вы [предложить] идеальную формулировку [спорной] нормы, чтобы она полностью соответствовала Конституции, чтобы нельзя было правоприменением исказить её смысл... или, если идеал недостижим, — формулировку, максимально приближенную к идеалу?»³³ При рассмотрении другого дела судья С. Д. Князев, обращаясь к заявителю А. Е. Остаеву, уточнял: «Вы полагаете, что она [спорная норма] бы соответствовала Конституции при таком прочтении, когда... (далее следует изложение судьёй возможной редакции правовой нормы. — А. Ч.)?»³⁴ На другом заседании судья Л. О. Красавчикова также интересовалась у представителя заявителя: «Вам кажется, формулировка этой нормы должна быть другой, чтобы она соответствовала Конституции? <...> В какой редакции она должна быть сформулирована?»³⁵

Важно заметить, что идея о нормативно-корректирующей функции аргументации соотносится не только с проверкой конституционности нормативно-правовых актов по содержанию, которая *ab initio* требует обозначения конкретного аспекта неконституционности, а значит, и выделения контуров необходимой нормативной коррекции. Эта идея гармонично сочетается и с формальным конституционным контролем, так как установление нарушения процедуры принятия акта и обоснование его существенности также приводит — причём зачастую в более глобальных масштабах — к преобразованию нормативно-правового ландшафта³⁶.

³³ См. видеозапись заседания Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2009 года по делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 3 и пункта 4 статьи 44 Федерального закона «Об акционерных обществах». 02:29:48–02:30:08. URL: <http://medias.ksrf.ru/archive/20091208p001.mp4/embed.html> (дата обращения: 13.08.2021).

³⁴ См. видеозапись заседания Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2011 года по делу о проверке конституционности части четвертой статьи 261 Трудового кодекса РФ. 00:24:20–00:24:52. URL: <http://medias.ksrf.ru/archive/20111108.mp4/embed.html> (дата обращения: 13.08.2021).

³⁵ См. видеозапись заседания Конституционного Суда РФ от 13 октября 2016 года по делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». 01:03:09–01:03:30. URL: <http://medias.ksrf.ru/archive/20161013.mp4/embed.html> (дата обращения: 13.08.2021).

³⁶ Показательно, что судья Ю. М. Данилов в своём особом мнении по делу, по которому принято Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 года № 4-П, настаивал на признании оспоренного закона неконституционным по порядку его принятия и указывал, что «это избавило бы Суд от необходимости

Необходимость выделения нормативно-корректирующей функции аргументации можно обосновать и по другой линии. Для этого достаточно обратить внимание на генетический аспект нормативно-правового регулирования, а именно на причины появления, видоизменения и угасания (отмирания) правовых норм. Поскольку правовая норма служит упорядочению общественных отношений, её установлению всегда предшествует осознание потребности в уточнении структуры правопорядка, что артикулируется, как правило, путём фиксации недопустимых (неправомерных) расхождений между желаемым и действительным положением вещей. Следовательно, процесс обоснования правотворческих решений предполагает установление каузальных связей между предлагаемой правовой нормой и ожидаемой трансформацией общественных отношений. Неслучайно в юриспруденции сформулирована максима, согласно которой «когда отпадает причина появления правила, должно прекратить действие и само правило» (англ.: *when the reason for a rule ceases, so should the rule itself*)³⁷.

Полагаю, что выделение нормативно-корректирующей функции заставляет критически отнестись к убеждению аудитории как инвариантной цели конституционно-судебной аргументации.

Во-первых, убеждение аудитории в корректности обосновываемого тезиса о конституционности не является неперенным условием нормативных трансформаций. Так, если правотворческим и правоприменительным органам не придётся по душе конституционно-судебное решение, в том числе ввиду явных провалов в аргументации, то конституционно-судебные веления всё равно не перестанут быть для них юридически обязательными³⁸.

Во-вторых, сама по себе убедительность аргументации, готовность её адресата присоединиться к позиции аргументирующего и безусловно следовать конституционно-судебным велениям ещё не свидетельствуют о конституционной безупречности и юридической корректности обосновываемого тезиса. С одной стороны, рассуждения о (не)конституционности того или иного нормативного положения, получающие одобрение и всеобщее признание, могут быть приведены вопреки действительным конституционным предписаниям. Нетрудно представить себе ситуацию, когда орган конституционного правосудия выносил бы, скажем, популистское решение³⁹. С другой стороны, нередки случаи, в том числе и в конституционно-судебной практике, когда «неумелая аргументация компрометирует истинный тезис»⁴⁰. Поэтому убеждённости реципиента в состоятельности обосновываемого тезиса ещё не позволяет утверждать, что этот тезис в действительности следует из конституционных установлений, и наоборот — уверенность в ошибочности тезиса не исключает её конституционной корректности.

исследовать его содержательную часть — нельзя исследовать то, чего не существует... В конце концов, бессмысленно искать спелые плоды на ветвях отравленного дерева».

³⁷ Civil Code of California Code. Section 3510. URL: <https://law.justia.com/codes/california/2010/civ/3509-3548.html> (дата обращения: 13.08.2021). Любопытно, что данная максима включена в раздел Гражданского кодекса Калифорнии, именуемый «Максимы юриспруденции». В силу параграфа 3509 названного кодекса эти максимы не предназначены для осуществления квалификации спорных правоотношений, а необходимы лишь для правильного толкования и применения других положений кодекса.

³⁸ Интересные рассуждения применительно к законодателю приводит С. А. Белов: «Решение законодателя подлежит исполнению не потому, что в нем содержатся доводы, убеждающие в его правильности, а потому, что оно принято авторитетным органом» (Белов С. А. Разумность и рациональность в конституционном праве // Российский юридический журнал. 2017. № 4 (115). С. 9–22, 15).

³⁹ См., например: *Arguelles D. W. Judges Speaking for the People: Judicial Populism beyond Judicial Decisions* // *Verfassungsblog*. 2017. 4 May. URL: <https://verfassungsblog.de/judges-speaking-for-the-people-judicial-populism-beyond-judicial-decisions> (дата обращения: 13.08.2021).

⁴⁰ Алексеев А. П. Аргументация. Познание. Общение. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 11, 78.

Кроме того, даже самая глубокая вера в безукоризненность того или иного конституционно-судебного предписания не гарантирует его безусловной реализации. Например, предложенный органом конституционного правосудия вариант нормативно-правового регулирования, будучи оторванным от правоприменительных реалий, может быть попросту неисполнимым или нежизнеспособным либо, что ещё хуже, приводить к обратным результатам⁴¹.

Наконец, не нужно списывать со счетов ценностные расхождения между субъектом и адресатом аргументации. Обосновываемый органом конституционного контроля тезис может казаться ошибочным, даже если он с очевидностью следует из конституционных установлений. В этом, как нетрудно догадаться, может быть «виновата» сама конституция. Так, скажем, деятельность конституционного суда, осуществляющего последовательную охрану консервативной конституции, наверняка не найдёт поддержки у либеральной общественности, хотя приводимое судом обоснование будет прямо вытекать из конституции⁴².

Изложенное свидетельствует о том, что к понятию аудитории (как универсальной, так и конкретной) следует относиться с известной долей скептицизма, ибо оно оказывается малопригодным для объяснения аргументационных закономерностей, которым подчиняется конституционно-контрольная деятельность. В самом деле, кто будет составлять ту же конкретную аудиторию в споре о конституционности правовой нормы, обязывающей, скажем, авиакомпанию осуществлять перевозку детей в возрасте от двух до двенадцати лет по льготным тарифам, причём без возможности компенсировать расходы за счёт федерального бюджета⁴³? Очевидно, что подобное регулирование затрагивает положение как минимум двух социальных групп — предпринимателей-авиаперевозчиков и пассажиров с детьми, чьи интересы в обозначенном контексте оказываются на противоположных полюсах⁴⁴. В связи с этим для субъектов, в пользу которых выносится конституционно-судебное решение, оно будет казаться абсолютно корректным (даже при наличии существенных изъянов в аргументации), тогда как для проигрывающей стороны — категорически неприемлемым, даже если качество обоснования будет отвечать самым высоким стандартам. Следовательно, имманентно присущее спору (конфликту) расхождение интересов его участников снижает перспективность использования понятия аудитории для конституционно-судебной аргументации.

⁴¹ Примеры правотворческих решений, приводивших к обратным результатам, см.: Чирнинов А. Пути — исповедимы? Аргумент к последствиям и его использование в практике конституционного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 2 (135). С. 33–57, 45–46.

⁴² Осмыслению этой проблематики способствует анализ полемики, состоявшейся между С.А. Беловым и А.А. Троицкой на страницах настоящего журнала, относительно ценностного содержания Конституции России. См.: Белов С. Ценности российской Конституции в тексте и в практике её толкования // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 4 (131). С. 68–83; Троицкая А. Ценности российской Конституции: эффект наблюдателя? // Там же. С. 84–98; Белов С. Методология опыта аксиологического анализа Конституции в коммуникативном контексте: ответ на критические заметки А. Троицкой // Там же. С. 99–101.

⁴³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2011 года № 29-П // СЗ РФ. 2012. № 2. Ст. 397.

⁴⁴ Более того, здесь расходятся интересы даже отдельных групп пассажиров, а именно пассажиров с детьми и пассажиров, которые не имеют детей, поскольку, как справедливо указывает судья Г.А. Гаджиев в своём мнении по указанному делу, авиакомпании не лишены возможности включить затраты, связанные с льготной перевозкой детей, в себестоимость взрослых билетов, что неминуемо приведёт к общему «росту цен на авиаперевозки». При этом авиакомпании будут заинтересованы в повышении цен не всегда, прежде всего из-за риска падения спроса на авиационные услуги.

Таким образом, достаточных оснований, чтобы рассматривать убеждение аудитории и её присоединение к выдвинутому тезису в качестве инвариантной цели аргументации, не имеется. Риторический компонент важен, скорее, для сторон конституционно-судебного процесса, поскольку, не располагая властными рычагами воздействия, они в самом деле стремятся склонить суд к принятию своей позиции, продемонстрировав, что оспариваемый (защищаемый) нормативный подход является неприемлемым (допустимым) с конституционной точки зрения. Для аргументации же, приводимой судом, риторика выступает лишь вспомогательным средством, способствующим более последовательной реализации общеобязательных конституционно-судебных предписаний, но вовсе её не предпрещающим⁴⁵.

Впрочем, нужно признать, что убеждённость субъекта, которому адресованы конституционно-судебные веления, в юридической корректности принятого решения может усиливать его регулятивный потенциал, имея в виду большую степень готовности воплощать соответствующие предписания в жизнь или как минимум не препятствовать этому. В этом смысле убеждение если и способствует конституционно-контрольной деятельности, то лишь попутно, позволяя адресатам аргументации с большим энтузиазмом воспринимать решения органов конституционного правосудия и тем самым действеннее трансформировать систему действующего правового регулирования.

2.2. Прогностическая (нормативно-ориентирующая) функция

Необходимость выделения прогностической (нормативно-ориентирующей) функции конституционно-судебной аргументации обусловлена прежде всего характером интеллектуальных усилий, которые необходимо прилагать при осуществлении конституционного нормоконтроля. Поскольку проверка конституционности нормативно-правового акта по определению предполагает критический взгляд на объект контроля, то немалая часть приводимых рассуждений должна обрисовывать конституционный идеал (желаемые параметры) правовой организации общества, а значит, и *предвосхищать* определённое состояние правопорядка. Неслучайно Ф. Энгельс, описывая свою методологию философского предвидения, указывал, что он не стремится «догматически предвосхитить будущее, а желае[т] только посредством критики старого мира найти новый мир»⁴⁶.

Конституционно-судебная аргументация обнаруживает солидный прогностический потенциал прежде всего потому, что она разворачивается в нормативных контекстах. Фиксируя отклонения от конституционно заданных параметров правового регулирования, органы конституционного правосудия постоянно уточняют (расширяют) критерии конституционности, причём применительно к самым различным жизненным ситуациям (в этом смысле конституционно-судебная практика обладает выраженным накопительным эффектом). И поскольку логика конституционно-судебных рассуждений характеризуется высокой степенью нормативного обобщения, она всегда может быть универсализована и распространена на релевантные сферы правового регулирования. Характер-

⁴⁵ Обоснованность такой оценки косвенно подтверждается рассуждениями С. И. Поварнина, который отмечал, что, «*желая проверить истину* какой-нибудь мысли, мы выбираем в пользу ее самые сильные *с нашей точки зрения* основания. *Желая убедить* кого-нибудь, выбираем доводы, которые должны казаться наиболее убедительными *ему*» (Поварнин С. И. Спор: О теории и практике спора. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2015. С. 33).

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. Т. 1. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. С. 379. Цит. по: Лойфман И. Я. Философское предвидение: методологические аспекты // Прогностическая функция марксистско-ленинской философии: сб. науч. тр. Свердловск: УрГУ, 1990. С. 3.

но, что при определении последствий неконституционности правовых норм Федеральный конституционный суд Германии исходит из того, что силой закона обладает не только само «решение о признании закона недействительным... но и [основные положения его мотивировочной части, которые] в соответствии с абз. 1 § 31 ФЗКС... связыва[ю]т обязательством все конституционные органы Федеративной Республики таким образом, что федеральный закон аналогичного содержания не может быть принят повторно»⁴⁷.

Если говорить более предметно, то конституционно-судебная аргументация выполняет нормативно-ориентирующую функцию по причине того, что она объясняет право-творческому органу, почему его решения не отвечают конституционным стандартам и какие факторы следует учитывать, чтобы избежать подобных расхождений в будущем, то есть нацеливает на последующее осуществление правового регулирования в строгом соответствии с конституцией. В этом смысле, действительно, было бы не совсем корректно позиционировать конституционное правосудие исключительно как средство «*ex post factum*» рационализации [нормативных] решений»⁴⁸. В стратегической перспективе логика рассуждений, положенных в основу конституционно-судебных велений, может и должна экстраполироваться не только на оспоренные нормы, но и на всю систему правового регулирования во всех её релевантных сегментах⁴⁹. Недаром В.Д. Зорькин, анализируя этимологию слова «юриспруденция» и указывая на его тесную связь с термином *providentio*, акцентирует внимание на перспективности (проспективности) конституционного права⁵⁰, а А.Н. Кокотов относит конституцию к актам стратегического целеполагания⁵¹.

⁴⁷ Избранные решения Федерального Конституционного Суда Германии. М.: Инфотропик Медиа, 2018. С. 15. Нельзя не заметить, что в опровержение тезиса, согласно которому нормативные подходы, признанные неконституционными, не подлежат повторному воспроизведению в системе действующего правового регулирования, может быть приведена оговорка об отступлении (англ.: *notwithstanding clause*), содержащаяся в статье 33 Канадской хартии прав и свобод (Конституционный акт 1982 года) и позволяющая Парламенту Канады и законодательным собраниям канадских провинций отступать от ряда её положений с принятием специальной декларации (на срок не более пяти лет с возможностью повторного издания декларации). Тем не менее представляется, что названный механизм не опровергает обосновываемый тезис, поскольку подобная возможность предусмотрена самой конституцией, а значит, принятие нормативно-правовых актов вопреки соответствующим конституционным установлениям не приводит к нарушению конституционного порядка. Более того, в случае принятия такой декларации не происходит окончательное и бесповоротное нивелирование нормативно-ориентирующей функции конституционно-судебной аргументации, так как отступление от конституционных предписаний имеет строгие временные рамки, увязанные со сроком полномочий представительного органа. Не является релевантным и пример с гражданином Малицким, правовая позиция по делу которого, по некоторым оценкам, была законодательно преодолена и встречена с пониманием в Заключении Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 года № 1-3 (СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1855), ибо здесь речь идёт о конституционном законодателе, который, в отличие от федерального законодателя, вправе уточнять сами конституционные эталоны правового нормирования.

⁴⁸ La Torre M. Constitutionalism and Legal Reasoning. Dordrecht : Springer, 2010. P. vii.

⁴⁹ Например, если бы федеральный законодатель в полной мере учёл конституционно-судебные предписания, изложенные в Постановлении Конституционного Суда РФ от 17 января 2013 года № 1-П (СЗ РФ. 2013. № 4. Ст. 304.), не было бы оснований для вынесения Постановления от 7 апреля 2020 года № 15-П (СЗ РФ. 2020. № 15 (ч. IV). Ст. 2434), в котором Конституционный Суд России потребовал от федерального законодателя распространить механизм назначения административного штрафа в размере ниже низшего предела в отношении составов административных правонарушений, предусмотренных не только особенной частью Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), но и законами субъектов Российской Федерации.

⁵⁰ См.: Зорькин В.Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. 2020. 19 мая. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=87> (дата обращения: 13.08.2021).

⁵¹ См.: Кокотов А.Н. Конституция: понятие, сущность, функции // Конституционное право России : учеб. для бакалавров / отв. ред. А.Н. Кокотов, М.С. Саликов. М.: Норма : ИНФРА-М, 2018. С. 62–79, 67.

О прогностической функции аргументации также свидетельствуют лингвистические конструкции, встречающиеся в конституционном дискурсе. Так, органы конституционно-судебного контроля нередко употребляют «слова-напоминалки», недвусмысленно предостерегающие правотворческие и правоприменительные органы от конституционно опрометчивых шагов (например, Конституционный Суд России «уже обращал внимание...»⁵², «последовательно указывал на то, что...»⁵³, «оценивая подобную модель законодательного регулирования, ...пришёл к следующему выводу...»⁵⁴ и т.д.). Подобными конструкциями изобилует и практика Федерального конституционного суда Германии: «как неоднократно подчёркнуто в практике суда...»⁵⁵, «значение данного основанного права [суд] уже изложил ранее...»⁵⁶ и т.д.

Чтобы продемонстрировать важность выделения прогностической функции аргументации, можно провести мысленный эксперимент⁵⁷. Представим на минуту, что решения конституционных судов лишены мотивировочной части и состоят исключительно из вводной, описательной и резолютивной частей. Как ни странно, вопреки нашим интуитивным ожиданиям, это не привело бы к полному нивелированию регулятивного потенциала конституционно-судебных решений, так как они продолжали бы производить необходимую трансформацию системы действующего правового регулирования посредством своей резолютивной части, содержащей выводы относительно действительности проверяемых правовых норм либо результаты их конституционно-правового истолкования. Вместе с тем возникал бы довольно неожиданный эффект, заключающийся в утрате органом конституционного правосудия возможности полноценно обозначать вектор правового развития (в том числе путём детализации своих велений), поскольку власть дискурса перешла бы в руки правоведов, которые посредством обобщения конституционно-судебной практики выявляли бы паттерны (закономерности) принятия решений и предлагали бы действенные инструменты для прогнозирования⁵⁸.

Стоит также добавить, что мотивировочная часть конституционно-судебного решения служит важным маяком для правоприменительной практики, обозначающим нормативные границы интерпретационной активности судов и иных правоприменительных органов. При этом содержащаяся в конституционно-судебном решении аргументация не только подводит к тому, как следует понимать конституционно истолкованные нормы или как самим истолковывать подлежащие применению нормы при разрешении типовых правоприменительных ситуаций, но и помогает понять причины, побудившие орган конституционно-судебного контроля осуществить нормативную коррекцию конкретным образом, — подобно тому, как добротная пояснительная записка к законопроекту способствует адекватному уяснению смысла принимаемых законоположений.

⁵² Абзац 1 пункта 3.1 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 22 июля 2020 года № 38-П // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. II). Ст. 5252.

⁵³ Абзац 2 пункта 3 мотивировочной части Определения Конституционного Суда РФ от 12 марта 2021 года № 378-О.

⁵⁴ Абзац 5 пункта 2 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 года № 22-П.

⁵⁵ Решение Первого Сената от 15 декабря 1983 г. 1 BvR209/83, 1 BvR269/83, 1 BvR362/83, 1 BvR420/83, 1 BvR440/83, 1 BvR484/83. Цит. по: Избранные решения Федерального Конституционного Суда Германии. М.: Инфотропик Медиа, 2018. С. 79.

⁵⁶ Решение Первого Сената от 9 февраля 1994 г. 1 BvR1687/92. Цит. по: Избранные решения Федерального Конституционного Суда Германии. С. 382.

⁵⁷ Такой мысленный эксперимент предлагает американский конституционалист Э. Чемерински. См.: *Chemerinsky E. The Rhetoric of Constitutional Law* // *Michigan Law Review*. Vol. 100. 2002. No. 8. P. 2008–2035, 2008–2009.

⁵⁸ См.: *Ibid.* P. 2009.

Наконец, благодаря приводимой аргументации нормативные ориентиры получает и сам орган конституционного правосудия. В самом деле, трудно представить, как обеспечивались бы последовательность конституционно-судебной практики и, что не менее важно, её своевременная разумная корректировка, если бы конституционно-судебные акты не было принято обосновывать. При таком сценарии судьи лишались бы ключевой точки опоры, теряя возможность реконструировать логику ранее принятых решений и экстраполировать релевантные рассуждения *mutatis mutandis* на очередную нормативную ситуацию. Это, в свою очередь, многократно повышало бы трудоёмкость конституционного контроля, заставляя судей из раза в раз прилагать неимоверные интеллектуально-познавательные усилия по нахождению искомого решения. Более того, отсутствие возможности вернуться к прежним рассуждениям и оценить их обоснованность с высоты времени снижало бы шансы для исправления допущенных ошибок, что создавало бы препятствия для поступательного развития правопорядка. Словом, необходимость обоснования конституционно-судебного решения дисциплинирует органы конституционного контроля, заставляет их быть последовательными в своих рассуждениях, а также обеспечивает предсказуемость и должное качество отправления конституционного правосудия.

Кстати, нормативно-ориентирующая функция аргументации дополнительно актуализируется в государствах, использующих децентрализованную модель конституционного контроля. Это вполне естественно, поскольку нижестоящие суды, юрисдикция которых распространяется на отдельные территориальные единицы, вынуждены в ходе проверки конституционности нормативно-правовых актов постоянно оглядываться на практику высшей судебной инстанции, уполномоченной давать окончательное и общеобязательное толкование конституционным нормам. Более того, если государство имеет федеративное устройство, то судебная система субъекта федерации может сталкиваться с необходимостью давать конституционные оценки региональным нормативным актам, закрепляющим правовые нормы, которые имеют аналогичное (сходное, идентичное⁵⁹) содержание с нормами, ранее признанными высшей судебной инстанцией неконституционными.

Таким образом, выделение, наряду с нормативно-корректирующей, нормативно-ориентирующей функции аргументации обусловлено тем, что решения органов конституционного правосудия не только вызывают непосредственные преобразования в системе действующего правового регулирования, но и вместе с тем в обязывающей форме нацеливают, настраивают на определённый правотворческий лад.

2.3. Познавательная функция

Познавательную функцию, пожалуй, нужно отнести к разряду базисных, поскольку, не уяснив действительное содержание конституционных установлений в их единстве и не обозначив нормативные характеристики спорного регулирования в его корреляции с действительностью, невозможно дать объективную оценку проверяемой норме и прийти к корректному выводу о её конституционности. Отсюда следует, что конституционно-судебная аргументация призвана продуцировать знания о правопорядке и окружающей действительности, обозначая связи между суждениями, выражающими состояние дел

⁵⁹ Подробнее о соотношении этих понятий см.: Блохин П.Д. Проблема аналогии в конституционном судопроизводстве в контексте дискуссии о прецедентной природе решений Конституционного Суда РФ // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 4. С. 19–30.

в трёх автономных измерениях: измерении конституционно должного, измерении нормативно наличествующего (действующего) и измерении сущего.

Итак, *первое измерение* имеет дело с постижением эталонов и стандартов правового нормирования, а также обозначением мерила конституционности, пригодного для решения вопроса о действительности правовых предписаний. Необходимость приложения аргументативных усилий в данном пространстве обусловлена особым содержанием конституционной нормативности. Будучи призванной определять, каким качественным характеристикам должны отвечать нормативно-правовые акты, конституционная нормативность материализуется в основном за счёт норм-принципов, не фиксирующих, в отличие от норм-правил, окончательных команд и выступающих требованиями оптимизации⁶⁰, содержание которых варьируется в зависимости от представленной нормативно-фактической ситуации. Иными словами, нормы-принципы наполняются юридическим содержанием (предлагают модели поведения) лишь тогда, когда помещаются в конкретный контекст.

Отсюда задача органа конституционно-судебного контроля состоит в том, чтобы, с одной стороны, посредством рассуждения обнаружить релевантный смысл конституционных установлений и, с другой стороны, обозначить сам круг подлежащих применению конституционных принципов. Необходимость выполнения последней операции продиктована тем, что нормы-принципы в противоположность нормам-правилам не предусматривают гипотезы⁶¹, что порождает необходимость специального обоснования применимости тех или иных конституционных принципов.

В свою очередь, в конкретно взятой ситуации применимыми могут оказаться несколько конкурирующих друг с другом конституционных принципов. Естественно, что в таких условиях актуализируется необходимость нахождения и обоснования такого варианта нормативно-правового регулирования, который снижал бы градус их содержательного напряжения. Эта задача является первостепенной, поскольку «конституционный порядок возможен лишь тогда, когда и основы конституционного строя, и основные права и свободы человека и гражданина, и конституционные принципы организации публичной власти образуют целостную систему, не допускающую какой-либо рассогласованности регулирующих (закрепляющих, гарантирующих) их конституционных норм, правил и процедур»⁶².

Одним из наиболее хрестоматийных в этом отношении примеров выступает дело гражданина Дубкова, в связи с жалобой которого Конституционный Суд России обязал законодателя устранить необоснованную конкуренцию принципа народовластия и права на судебную защиту, закрепив правовой механизм, исключающий возможность назначения досрочных выборов главы муниципального образования до проверки судами законности его удаления в отставку⁶³. Столкновение названных конституционных принципов происходило ровно потому, что избирательное законодательство не учитывало возмож-

⁶⁰ Различение правил как окончательных команд (англ.: *definitive commands*) и принципов как требований оптимизации (англ.: *optimization requirements*) проводит Р.Алекси. См.: *Alexy R. A Theory of Constitutional Rights*. Oxford : Oxford University Press, 2010. P. 47–48, 57.

⁶¹ В связи с этим Е. В. Тимошина весьма точно характеризует общие принципы права в качестве категорических (безусловных) норм высокой степени абстрактности. См.: *Тимошина Е. В.* Нормативность принципов права // Принципы и ценности в праве: доктрина, правотворчество, реализация. Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2020. С. 5–13, 11–12.

⁶² *Князев С. Д.* Небесспорно... о конституционно-правовых спорах // Академический юридический журнал. 2019. № 3 (77). С. 54–59, 57.

⁶³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2013 года № 15-П // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3647.

ность успешного обжалования в судебном порядке решения об удалении главы муниципального образования в отставку, а процессуальное законодательство характеризовалось нерасторопностью и игнорировало необходимость обеспечения непрерывности осуществления муниципальной власти. Как нетрудно заметить, постижение того, как соотносятся между собой в обозначенном контексте названные конституционные принципы, является результатом рассуждения и соответствующих аргументативных усилий.

Нужно отметить, что пространству конституционно должного никогда не присущи окончательность и завершённость, поскольку его границы всегда будут меняться (сужаться и расширяться) в зависимости от содержания спорной правовой нормы и бытийных условий её реализации. Недаром конституции позиционируются в качестве актов, призванных адаптироваться к общественному развитию и «срок годности» которых принято измерять целыми эпохами. В этом смысле основная норма, будучи основанием действительности всех других правовых норм, рассчитана на безграничное продуцирование нормативных смыслов в пределах своих достаточно широких рамок. Именно поэтому, кстати, процесс обозначения границ конституционно дозволенного и запрещённого по своему механизму очень напоминает решение математического уравнения, где переменными выступают конкретные значения нормативно наличествующего и сущего.

Познавательную функцию конституционно-судебной аргументации можно обосновать и в альтернативном, более образном ключе, указав на аргументативный характер экспликации (развёртывания) понятий, упоминаемых в конституции. Приводя в качестве примеров такие понятия, как «демократия», «республика», «правовое государство», «социальное государство» и «народ», Г.А. Гаджиев уподобляет конституционный текст стенографическим записям⁶⁴, нуждающимся в расшифровке. Очевидно, что средством расшифровки конституционных установлений выступает именно рассуждение. Поэтому будет справедливо сказать, что подобно тому, как понятие предстаёт в виде свёрнутого суждения, конституционные принципы представляют собой свёрнутые правила поведения.

Таким образом, в рамках эталонного измерения аргументация призвана расширять корпус знаний о конституции и вносить больше ясности в то, где проходят границы конституционно должного, дозволенного и запрещённого — с учётом всех релевантных обстоятельств как нормативного, так и бытийного характера.

Второе измерение охватывает характеристики проверяемых нормативных положений. Парадокс данного измерения состоит в том, что, несмотря на прескриптивную природу правовых норм, действующее нормативно-правовое регулирование для целей конституционного правосудия познаётся и излагается исключительно в дескриптивном ключе. Это продиктовано тем, что, выступая объектом контроля, проверяемая норма априори не может восприниматься органом конституционно-судебного контроля в качестве руководства к действию и содержать критерии оценки позитивировавшего её правотворческого решения. Как следствие, описание нормативного пространства, если опустить его конституционный (эталонный) уровень, целиком и полностью складывается из позитивных утверждений, что позволяет говорить о фактичности суждений о правопорядке, о его данности.

В рассматриваемом измерении нацеленность аргументации на познание вызвана тем, что только путём рассуждения можно с высокой степенью точности раскрыть истинные параметры правовых предписаний. Действительно, конституционность нормы

⁶⁴ См.: Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). С. 237.

зависит не только от её буквального смысла или содержания, которое в неё вкладывает правоприменительная практика. Многое зависит от того, как она «смотрится» в системе действующего правового регулирования. Это разумно, ибо правила социального взаимодействия определяются всей совокупностью (множеством) нормативных предписаний как элементов единого правопорядка⁶⁵. Недаром Конституционный Суд России, признавая свободу законодателя в выборе правотворческих средств устранения выявленных конституционных дефектов правового регулирования, в том числе возможность оставлять дисквалифицированную норму в прежней редакции, указывал, что «конституционное содержание соответствующих правовых институтов может быть обеспечено *совокупным результатом* действия норм права»⁶⁶ (курсив мой. — А. Ч.).

Для наглядности рассмотрим свежий пример из отечественной конституционно-судебной практики. В начале 2021 года в Конституционный Суд России поступил запрос от Железнодорожного районного суда г. Рязани, усомнившегося в конституционности части 3 статьи 32.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Напомню, в ней закрепляются правила исчисления срока лишения специального права, которые — в отличие от аналогичных правил, содержащихся в Уголовном кодексе России (применительно к лишению права заниматься определённой деятельностью) — не устанавливают общего предельного срока такого наказания и исключают возможность частичного сложения наказания⁶⁷, ибо КоАП России не предусматривает механизма назначения наказания по совокупности правонарушений и постановлений о привлечении к административной ответственности. Конституционную упречность оспариваемой нормы районный суд усматривал в том, что КоАП России необоснованно использует более строгий подход, чем Уголовный кодекс России, который подобные механизмы, напротив, предлагает. Не находя оснований для вмешательства, Конституционный Суд России отметил, среди прочего, что «строгость таких правил компенсируется существенным различием общих юридических последствий привлечения граждан (физических лиц) к административной и уголовной ответственности»⁶⁸.

Использование схожей аргументативной схемы можно зафиксировать, когда орган конституционно-судебного контроля оправдывает жёсткость того или иного регулирования имеющимися в действующем законодательстве гарантиями. Например, признавая допустимым уголовно-процессуальное регулирование, не предусматривающее такого основания отмены приговора, постановленного с участием присяжных заседателей, как несоответствие содержащихся в приговоре выводов фактическим обстоятельствам дела, Конституционный Суд России указал, что «сужение возможностей обжалования обвинительного приговора компенсируется наличием дополнительных процессуальных гарантий, предоставляемых всем обвиняемым»⁶⁹, которые отсутствуют в случае рассмотрении дела профессиональным судом. Так, сторона защиты имеет возможность «высказывать свои замечания по содержанию и формулировке вопросов присяжным

⁶⁵ См.: Антонов М. В. О системности права и «системных» понятиях в правоведении // Правоведение. 2014. № 1 (312). С. 24–42, 30–31.

⁶⁶ Абзац 2 пункта 9 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 года № 4-П // СЗ РФ. 1996. № 7. Ст. 701.

⁶⁷ В результате гражданин, скажем, за пять эпизодов вождения в нетрезвом виде рискует лишиться права управления транспортным средством на десять лет.

⁶⁸ Абзац 2 пункта 2.2 мотивировочной части Определения Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2021 года № 600-О.

⁶⁹ Абзац 1 пункта 3 мотивировочной части Определения Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 года № 1052-О.

заседателям, а также вносить предложения о постановке новых вопросов, в частности о наличии по уголовному делу фактических обстоятельств, исключающих ответственность за содеянное или влекущих за собой ответственность за менее тяжкое преступление... заявлять в судебном заседании возражения в связи с содержанием напутственного слова председательствующего»⁷⁰. Тем самым сомнения в конституционности оспоренного регулирования, вызванные отсутствием обязанности присяжных заседателей мотивировать свой вердикт, рассеиваются при подробном и более глубоком ознакомлении с системой действующего уголовно-процессуального регулирования.

Не стоит также забывать, что в конституциях нередко находят закрепление принципы, оценка степени правотворческой реализации которых тесно сопряжена с исследованием качества и характера нормативных связей между правовыми предписаниями. Так, например, нарушение принципа правовой определённости не может быть констатируемо только лишь на том основании, что лицо не может уяснить содержание своих прав и обязанностей, обратившись к спорному нормативному положению, поскольку «необходимая степень определенности правового регулирования может быть достигнута путем выявления более сложной взаимосвязи правовых предписаний»⁷¹. Как видно, обозначение реальных, действительных параметров правового регулирования неизбежно облекается в аргументативную форму.

Аналогичных познавательных усилий требует проверка системы действующего правового регулирования на предмет наличия в ней конфликтующих друг с другом правовых норм. Необходимость выполнения такой операции обусловлена, как известно, тем, что «социальные конфликты нельзя решить при помощи правил, противоречащих друг другу»⁷². Кроме того, путём установления более сложной взаимосвязи правовых предписаний можно не только правильно решить вопрос о конституционности конкретной нормы, но и дать адекватную оценку отсутствию тех или иных положений в нормативно-правовом пространстве. Так, в частности, может выясниться, что вместо предполагаемого законодательного пробела имеет место квалифицированное умолчание законодателя⁷³ и наоборот.

Разумеется, приведённые примеры не являются исчерпывающими. В целом рассматриваемое измерение складывается из совокупности всех релевантных суждений о конституционно значимых характеристиках нормативно-правового регулирования, а сами аргументационные усилия нужны для того, чтобы добиться максимально точной и объективной диагностики состояния нормативно наличествующего (действующего).

Наконец, в рамках *третьего измерения* формируются представления о бытийном контексте, на фоне которого осуществляется спорное нормативно-правовое регулирование. Необходимость выделения данного познавательного измерения обусловлена тем, что дать справедливую и объективную оценку правовой норме невозможно, если рас-

⁷⁰ Абзац 1 пункта 3 мотивировочной части Определения Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 года № 1052-О.

⁷¹ Абзац 1 пункта 3.3 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 5 марта 2013 года № 5-П // СЗ РФ. 2013. № 11. Ст. 1164.

⁷² Алексин Р. Юридическая аргументация как рациональный дискурс // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 446–456, 453.

⁷³ См.: абзац 4 пункта 3 мотивировочной части Определения Конституционного Суда РФ от 9 ноября 2017 года № 2514-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2018. № 1; абзац 9 пункта 4 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 10 ноября 2017 года № 27-П // СЗ РФ. 2017. № 47. Ст. 7050; пункт 4 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 18 июля 2019 года № 29-П // СЗ РФ. 2019. № 30. Ст. 4411.

смагивать норму в отрыве от реальных, полевых условий её применения. В этом смысле третье измерение характеризует, среди прочего, действенность⁷⁴ правового регулирования, отражает пригодность конкретных юридических средств для достижения правомерных целей, в том числе конституционно значимых, описывает, к каким последствиям приводит реализация спорных правовых норм⁷⁵ и т. д.

Поскольку в обозначенной плоскости замеряется, прежде всего, эффективность нормативно-правового регулирования, то в неё включаются рассуждения, касающиеся состояния сущего и способности правовых норм оказывать результативное воздействие на общественные отношения. Поэтому можно утверждать, что суждения о сущем позволяют изучить взаимовлияние правопорядка и окружающей действительности во всех её проявлениях. Как справедливо отмечает Н. В. Варламова, «любая система требований должного призвана конституировать и обеспечивать определённое состояние сущего, будучи, в свою очередь, содержательно зависимой от его природы»⁷⁶.

Конституционно-судебная практика знает бесчисленное множество примеров, когда результат проверки конституционности правовой нормы предreshался объективным положением вещей. Итак, какие факторы заставляют правотворческие органы «считаться» с действительностью? Как показывает конституционно-судебная практика, при расширении или ограничении возможности досрочного голосования на выборах должны учитываться такие факторы, как «внутренняя трудовая миграция, сезонные работы, периоды массовых дачных работ и отпусков»⁷⁷; при установлении повышенных размеров административных штрафов за нарушение правил дорожного движения в отдельных местностях (в частности, городах федерального значения) — сложность и напряжённость дорожно-транспортной обстановки⁷⁸; при введении ограничительных мер, вызванных пандемией, — характер и условия распространения инфекции⁷⁹. При этом отсутствие научных знаний об этиологии новоявленной инфекции позволяет правотворческим органам на первых порах проявлять больше усмотрения⁸⁰.

Конституционное значение могут иметь даже организационные условия. Пожалуй, наиболее хрестоматийным в этом плане является дело о смертной казни, по результатам рассмотрения которого в 1999 году Конституционный Суд России ввёл запрет на применение данного вида наказания⁸¹. Как известно, на тот момент этот шаг был обоснован

⁷⁴ Действенность права рассматривается в качестве условия действительности правовой нормы Г. Кельзенем, который отмечает, что «основная норма, представляющая собой основание действительности правопорядка, соотносится лишь с такой конституцией, которая есть основа действительного принудительного порядка. Только если фактическое поведение людей в общем и целом соответствует субъективному смыслу направленных на него актов, то их субъективный смысл признается также их объективным смыслом и эти акты истолковываются как правовые» (Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лёзова. 2-е изд. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2015. С. 64, 105).

⁷⁵ Поэтому именно третье измерение актуализирует использование в практике конституционного правосудия аргумента к последствиям. Подробнее об этом см.: Чирнинов А. Указ. соч. С. 33–57.

⁷⁶ Варламова Н. В. Нормативность права: проблемы интерпретации // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 4. С. 76–116, 97.

⁷⁷ Абзац 4 пункта 4.1 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 15 апреля 2014 года № 11-П // СЗ РФ. 2014. № 16. Ст. 1922.

⁷⁸ См.: пункт 4.1 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2014 года № 13-П // СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. IV). Ст. 2288.

⁷⁹ См.: абзац 5 пункта 4.1 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2020 года № 49-П // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. II). Ст. 289.

⁸⁰ См.: Там же.

⁸¹ См.: пункт 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 года № 3-П // СЗ РФ. 1999. № 6. Ст. 867.

тем, что функционирование судов с участием присяжных заседателей налажено не во всех субъектах России⁸².

Режим конституционности крайне чувствителен к изменению сущего. С одной стороны, не зная о состоянии окружающей действительности, трудно судить, насколько эффективным, результативным и сбалансированным является спорное нормативно-правовое регулирование. С другой стороны, реальность такова, что сами явления и жизненные процессы могут обуславливать необходимость юридического нормирования. Действительно, те же конституционно значимые законодательные пробелы возникают лишь тогда, когда появляются общественные отношения, объективно нуждающиеся в правовом опосредовании. В качестве примера можно привести постановления Конституционного Суда России от 23 июля 2018 года № 35-П⁸³ и от 12 января 2021 года № 1-П⁸⁴, в которых суд обязал законодателя предусмотреть «правовой механизм, позволяющий компенсировать заинтересованной стороне издержки, обусловленные инфляцией в период исполнения судебного решения». Очевидно, что если бы не существовало такого экономического феномена, как инфляция, то и не было бы конституционной потребности в самой индексации присуждённых денежных сумм.

Теперь важно ответить на вопрос, почему применительно ко всем трём обозначенным измерениям конституционно-судебная аргументация выполняет именно познавательную функцию.

Аргументация выполняет познавательную функцию хотя бы потому, что в результате выстраивания соответствующих рассуждений и выявления соотношения между суждениями о состоянии этих трёх измерений происходит продуцирование новых, ранее не существовавших в корпусе знаний представлений о действительности правопорядка. В самом деле, «важнейшая черта человеческого интеллекта состоит в способности получать одни знания из других посредством рассуждения»⁸⁵. Поэтому позиция о том, что в рамках аргументативного анализа «исследуются взаимосвязи утверждений, а не те мысли, идеи и мотивы, которые за ними стоят»⁸⁶, не отрицает познавательного характера самой аргументации⁸⁷.

Эти оценки справедливы не только в отношении аргументационных конструкций, представленных на макроуровне, то есть там, где происходит обоснование непосредственно основного тезиса о конституционности проверяемого правового предписания путём сопоставления суждений о конституционно должном, нормативно наличествующем и сущем. Познавательный характер аргументации проявляется и на микроуровне. Всё дело в том, что для обоснования основного тезиса требуется сформулировать самостоятельные тезисы относительно реальных характеристик трёх обозначенных измерений (назовём их *вспомогательными тезисами*), которые в процессе обоснования основного тезиса приобретают статус рядовых посылок. И поскольку доводы, приводимые

⁸² См.: пункт 5 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 года № 3-П.

⁸³ СЗ РФ. 2018. № 31. Ст. 5065.

⁸⁴ СЗ РФ. 2021. № 4. Ст. 717.

⁸⁵ Кротков Е. А. О рассуждении как методе познания // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 170–180, 171.

⁸⁶ Ивин А. А. Теория и практика аргументации : учеб. для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2015. С. 11.

⁸⁷ Призная, что оценка качества аргументации требует анализа прежде всего связей между утверждениями, можно провести аналогию с покером. Как известно, для победы в этой игре существенное значение имеют не сами по себе достоинства и масти имеющихся карт, а то, какую комбинацию они в итоге образуют. Примерно такая же логика присутствует и в шахматах: неважно, сколько у игрока фигур, гораздо важнее — как эти фигуры друг с другом скоординированы.

в обоснование вспомогательных тезисов, также предъявляются в вербальной (словесной) форме, анализ представленных рассуждений, в том числе осуществляемый судом в порядке самоконтроля, позволяет удостовериться в корректности аргументов, их относимости, весомости и достаточности. В свою очередь, это даёт возможность отвергнуть ошибочные суждения и в процессе принятия конституционно-судебных решений опираться на проверенные знания, мысли и идеи, что также указывает на эпистемологическую природу аргументации.

Наконец, не нужно списывать со счетов процедурную сторону вопроса. Аргументация имеет особую познавательную ценность в силу того, что конституционный контроль принято осуществлять не только на основе принципа состязательности и равноправия сторон, а также с привлечением к рассмотрению дела широкого круга заинтересованных лиц, экспертов и специалистов (что, собственно, позволяет выстроить аргументативный диалог⁸⁸), но и на коллегиальной основе. Фактор коллегиальности значительно усиливает эпистемологические начала конституционного правосудия, поскольку, с одной стороны, заставляет судей обмениваться мнениями относительно содержания и характеристик всех трёх обозначенных выше измерений и тем самым уточнять коллективный корпус знаний, а с другой — снижает риски подгонки обоснования и логики рассуждения под заранее определённый результат.

Таким образом, аргументация, безусловно, становится ценным и практически безальтернативным средством познания должного в его соотношении с сущим. «Не отвергай, не разобравшись, и не принимай, не разобравшись», — призывал судья Конституционного Суда России В. Г. Ярославцев⁸⁹, цитируя слова из древнего трактата «Гуань-Цзы» (мудрость почерпнута из книги В. Малявина «Тайный канон Китая»).

2.4. Легитимирующая функция

В контексте конституционно-судебного контроля можно выделить два самостоятельных вектора легитимации: один вектор касается объекта контроля, то есть формы и содержания проверяемого акта, тогда как другой вектор — результатов самой конституционно-контрольной деятельности. При этом потребность в легитимации в обоих направлениях имеет единое основание, состоящее в желании оправдать общеобязательность правовых предписаний и их подкреплённость государственным принуждением.

В рамках первого вектора легитимирующую функцию аргументации во многом можно вывести за счёт противопоставления нормативно-корректирующей функции, поскольку орган конституционно-судебного контроля, не усматривая признаков неконституционности, выступает тем самым за сохранение законодательного *status quo*. Однако это лишь внешняя сторона вопроса. Изнутри легитимирующая функция обусловлена, как представляется, имманентно присущим правопорядку *притязанием на правильность*⁹⁰, удовлетворить которое возможно также исключительно в аргументативной форме.

Потребность в конституционной легитимации нормативно-правового акта присутствует перманентно, и даже состоявшаяся когда-то официальная констатация его кон-

⁸⁸ В этом смысле, как точно отмечает Е. Н. Лисанюк, «исследуя состоятельность своих позиций в диалоге, агенты тем самым стремятся к познанию истины в пределах своих позиций посредством того, что проверяют, изменяют и упорядочивают их» (Лисанюк Е. Н. Указ. соч. С. 98).

⁸⁹ Особое мнение судьи В. Г. Ярославцева по делу, по которому вынесено Постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 года № 1-П // СЗ РФ. 2017. № 5. Ст. 866.

⁹⁰ См.: Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). С. 43, 157.

ституционности вовсе не гарантирует неизменности соответствующих оценок. Как показывает практика, под влиянием различных факторов эти оценки могут меняться даже в диаметрально противоположную сторону. Это даёт основание утверждать, что конституционно-судебные рассуждения выстраиваются по канонам немонотонной логики⁹¹.

К слову, их немонотонная природа косвенно признаётся и самим Конституционным Судом России, который, например, не видит препятствий для принятия к рассмотрению запроса суда, разрешающего вопрос о пересмотре судебного акта по новым обстоятельствам в связи с установлением Европейским Судом нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, допущенного в отношении конкретного лица, по жалобе которого ранее Конституционным Судом России было принято отказное определение⁹². Кроме того, в лучших традициях немонотонной логики Конституционный Суд России дисквалифицировал законодательное решение, ранее легитимированное им в отказных определениях, приняв во внимание новые факторы (аргументы), которые в момент принятия Конституционным Судом России отказных определений⁹³ отсутствовали. Так, в частности, в конституционный дискурс были включены суждения Европейского Суда по правам человека о современных тенденциях «социализации заключённых и гуманизации условий отбывания уголовного наказания», обусловивших чрезмерность ограничения права на длительные свидания для лиц, осуждённых к пожизненному лишению свободы, в течение первых десяти лет отбывания наказания⁹⁴.

Можно также вспомнить случай, когда Конституционный Суд России «созревал» до решения проблемы самостоятельно. Так, в 2006 году он не усмотрел конституционных дефектов в том, что квалификационные коллегии судей не обязаны мотивировать решения об отказе в рекомендации на должность судьи⁹⁵. По мнению пострадавшего от этой нормы заявителя, такой подход приводил к иллюзорности права на судебную защиту в силу невозможности проверить принятое квалификационной коллегией судей решение по существу. Тем не менее спустя три года Конституционный Суд России изменил свои оценки и констатировал, что решения квалификационной коллегии судей всё-таки должны отражать не только результаты голосования, но и причины, препятствующие замещению лицом должности судьи. Иное же, как отметил суд, «превращало бы конституционное право на судебную защиту в формальность, поскольку суд при рассмотрении соответствующей жалобы лишался бы возможности проверить обоснованность решения, оценить мотивы его принятия, без чего не могут быть обеспечены ни равенство перед законом и судом, ни самостоятельность судебной власти при осуществлении возложенной на неё функции правосудия»⁹⁶.

В пользу легитимирующей функции аргументации говорит также то, что конституционно-судебная процедура может быть инициирована не для дисквалификации нормативно-правового акта, а, напротив, в целях подтверждения его конституционности. Субъекты, желающие удостовериться в действительности правовых предписаний, впра-

⁹¹ О содержании немонотонной логики см.: *Strasser C., Antonelli G. A. Non-monotonic Logic // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2019 Edition) / ed. by E. N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2019/entries/logic-nonmonotonic/> (дата обращения: 13.08.2021).*

⁹² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 года № 27-П // СЗ РФ. 2013. № 50. Ст. 6670.

⁹³ См.: Определения Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 года № 248-О и от 24 мая 2005 года № 257-О.

⁹⁴ См.: абзац 3 пункта 2.3 мотивировочной части и пункт 1 резолютивной части Постановления Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2016 года № 24-П // СЗ РФ. 2016. № 48 (ч. III). Ст. 6839.

⁹⁵ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2006 года № 263-О.

⁹⁶ Абзац 4 пункта 5 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 24 марта 2009 года № 6-П // СЗ РФ. 2009. № 14. Ст. 1771.

ве воспользоваться механизмом, закреплённым в статье 85 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Практика знает примеры, когда Конституционный Суд России подтверждал по соответствующим запросам конституционность нормативных актов⁹⁷ и даже воскрешал уже ушедшие в небытие правовые нормы⁹⁸. Кроме того, о выполнении аргументацией функции легитимации правовых предписаний свидетельствует процедура, позволяющая проверять конституционность правовых норм до их формальной позитивации. Речь идёт о предварительном конституционном контроле, возможности по осуществлению которого в России были существенно расширены в 2020 году⁹⁹.

Теперь обратим внимание на вектор легитимации, сопряжённый с «облагораживанием» самих конституционно-судебных решений. Как известно, стремление к легитимации присуще любому органу, которому предоставлена возможность властвовать, то есть навязывать свою волю подвластным под угрозой применения санкций. Не являются исключением и органы конституционного правосудия.

Почему конституционно-судебные веления нуждаются в легитимации посредством аргументации? Одна из причин заключается в том, что суды, в отличие от законодателя, не получают мандата доверия на выборах, дающего право принимать необоснованные (непопулярные и даже ошибочные) правотворческие решения под риском утраты электоральной поддержки¹⁰⁰. Поэтому, не имея возможности получать одобрение избирателей, органы конституционного правосудия вынуждены поддерживать свой ограниченный запас легитимности путём объяснения своих решений. При этом если конституционно-судебные решения будут корректировать нормативно-правовое регулирование без должного конституционного обоснования, то это неминуемо будет расценено как узурпация судом законодательной власти¹⁰¹. Соответственно, во избежание подобных обвинений суд должен постоянно демонстрировать, что он действует строго в пределах своих полномочий, то есть осуществляет конституционный контроль, а не ничем не ограниченное правотворчество.

Таким образом, в легитимационном контексте аргументы, приводимые в обоснование конституционно-судебного решения, призваны подтверждать, что правотворческие манипуляции осуществляются лишь постольку, поскольку этого требует конституция. Одновременно с этим они должны иллюстрировать, что рассуждения суда относительно параметров нормативно-правового регулирования и их конституционной допустимости не являются следствием волюнтаризма, произвола и прихоти со стороны судей, а также их стремления навязать обществу собственные представления о должном и справедливом.

Кроме того, легитимирующая функция проявляется в том, что, соглашаясь с аргументами, выдвинутыми спорящими сторонами, либо опровергая их, орган конституци-

⁹⁷ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2018 года № 44-П // СЗ РФ. 2018. № 51. Ст. 8095.

⁹⁸ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 декабря 2013 года № 26-П // СЗ РФ. 2013. № 50. Ст. 6669. Не соглашаясь с данным постановлением, судья Г. А. Гаджиев указывал в своём особом мнении, что судом «дается оценка норме права, уже не существующей в правовом пространстве».

⁹⁹ Анализ этого вида конституционного контроля см.: *Кокотов А. Н.* Предварительный контроль правовых актов Конституционным Судом России // Закон. 2020. № 12. С. 29–39.

¹⁰⁰ Подробнее об этом см.: *Чирнинов А.* Разрешение политических вопросов средствами конституционного правосудия: исходные пункты аргументации в сравнительно-правовой перспективе // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 4 (137). С. 55–79.

¹⁰¹ См.: *Kennedy D.* Proportionality and “Deference” in Contemporary Constitutional Thought // *The Transformation or Reconstitution of Europe: The Critical Legal Studies Perspective on the Role of the Courts in the European Union* / ed. by T. Perišin, S. Rodin. Oxford : Hart Publishing, 2018. P. 29–58, 34.

онно-судебного контроля демонстрирует готовность к диалогу, показывает способность слышать стороны и учитывать их мнения¹⁰². Не секрет, что приведение мотивов, по которым суд не согласился с той или иной позицией, укрепляет авторитет суда и повышает доверие граждан к нему¹⁰³. Утрата же легитимности, в том числе ввиду неготовности объяснять свои решения, чревата снижением его востребованности в обществе и, как следствие, способности оказывать весомое воздействие на правопорядок.

Наконец, поскольку аргументация должна складываться из совокупности взаимосвязанных и непротиворечивых суждений¹⁰⁴, конституционно-судебное решение обретает легитимность за счёт того, что любой желающий, имея перед глазами конкретные тезисы и обосновывающие их доводы (посылки), получает возможность удостовериться в том, что суд не использовал никаких интеллектуальных уловок и ухищрений и не допустил ошибок в аргументации. При этом не будет лишним отметить, что особая потребность в легитимации продиктована окончательностью конституционно-судебных велений¹⁰⁵. Аргументированность позиции суда, его стремление качественно обосновывать свои веления призваны компенсировать отсутствие у сторон процессуальной возможности обжаловать конституционно-судебные решения.

2.5. В поисках инвариантной цели конституционно-судебной аргументации

Итак, полученные выводы относительно выполняемых конституционно-судебной аргументацией функций позволяют приступить к обсуждению одного из ключевых вопросов, а именно того, какую же всё-таки цель преследует конституционно-судебная аргументация.

Обрисовывая конечный результат прилагаемых аргументативных усилий, современная теория аргументации в целом исходит из того, что успешное аргументативное воздействие должно приводить к убеждению адресатов аргументации в истинности какого-либо утверждения и обеспечивать их согласие с ним. Данная цель считается общепринятой и разделяется в той или иной вариации не только представителями риторического подхода к аргументации¹⁰⁶, но и сторонниками целого ряда других направлений, включая прагма-диалектику¹⁰⁷, логику-когнитивную теорию аргументации¹⁰⁸ и т.д. Однако

¹⁰² Как неоднократно указывал Европейский Суд по правам человека, надлежащее обоснование судебного решения, среди прочего, призвано продемонстрировать сторонам, что их выслушали (Постановление от 11 октября 2011 года по делу *Фомин против Республики Молдова*, § 31). Более того, именно с наличием мотивировки связывается возможность адекватного общественного контроля за процессом отправления правосудия (Постановления Европейского Суда по правам человека от 22 февраля 2007 года по делу *Ташишвили против России*, § 58).

¹⁰³ Европейский Суд по правам человека также отмечал, что в условиях отсутствия надлежащей мотивировки не всегда бывает понятно, уклонился ли суд от рассмотрения доводов стороны либо же он всё-таки их рассмотрел, но воздержался от их упоминания (Постановление от 5 мая 2011 года по делу *Ильяди против России*, § 46).

¹⁰⁴ См.: *Alexy R. A Theory of Legal Argumentation: The Theory of Rational Discourse as Theory of Legal Justification*. Oxford : Oxford University Press, 2011. P. 188.

¹⁰⁵ Как отмечает Конституционный Суд России, отсутствие возможности обжалования принимаемых им решений обусловлено его природой как органа конституционного контроля. См.: абзац 2 пункта 3 мотивировочной части Определения от 13 января 2000 года № 6-О // СЗ РФ. 2000. № 11. Ст. 1244.

¹⁰⁶ См.: *Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L.* Op. cit. P. 20, 24–31, 59.

¹⁰⁷ Прагма-диалектический подход также исходит из того, что аргументация «направлена на убеждение слушателя или читателя в приемлемости точки зрения» (*Van Eemeren F.H., Grootendorst R. A Systematic Theory of Argumentation: The Pragma-Dialectical Approach*. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. P. 2).

¹⁰⁸ Логико-когнитивная теория различает три вида аргументации: обоснование, убеждение и практическую аргументацию. При этом убеждение имеет место, когда «изучаются две и более позиции, а убедительность

насколько подобная целевая установка применима к конституционно-судебной аргументации?

С одной стороны, наличие потребности в легитимации конституционно-судебных решений, безусловно, свидетельствует о стремлении органа конституционного правосудия добиться присоединения релевантной аудитории к обосновываемому тезису. С другой стороны, эта цель не может достигаться любой ценой, особенно в ущерб должной (требуемой конституцией) нормативной коррекции действующего регулирования, обеспечиваемой за счёт приведения конкретного набора аргументов (было бы, наверное, странно, если бы суд, адаптируя свои рассуждения под соответствующую аудиторию, отказывался приводить довод, указывающий на конкретный недостаток проверяемой нормы и обозначающий тем самым контуры необходимой коррекции либо, напротив, свидетельствующий о безупречности нормы, ввиду неубедительности этого довода для конкретного адресата аргументации). Соответственно, в случае конкуренции между нормативно-корректирующей и легитимирующей функциями конституционно-судебной аргументации цель убеждения неизбежно отходит на второй план, что лишает её статуса инвариантной цели конституционно-судебной аргументации.

Действительно, тот факт, что ни один рациональный аргумент не способен изменить, скажем, мнение подавляющего большинства российских граждан относительно правомерности повышения возраста выхода на пенсию¹⁰⁹, не означает, что Конституционный Суд России должен отказаться от признания дискреционных полномочий федерального законодателя в сфере пенсионного обеспечения¹¹⁰ и в стремлении выглядеть убедительным дисквалифицировать соответствующее законодательное решение. Иначе говоря, сама по себе неубеждаемость аудитории в конституционной корректности проверяемого решения не может служить основанием для отказа от обозначения *истинных* параметров конституционно должного. В связи с этим инвариантный характер приобретает познавательная цель конституционно-судебной аргументации.

При этом важно заметить, что подобное смещение акцентов в сторону эпистемологии не должно расцениваться как отрицание риторической составляющей конституционно-судебной аргументации, ибо желание и стремление суда обеспечить нормативную корректировку в убедительной манере выступает необходимым атрибутом цивилизованной коммуникации. Вместе с тем, учитывая важность полноценной реализации конституционно-контрольных задач, цель убеждения соответствующих адресатов должна преследоваться органом конституционного правосудия лишь постольку, поскольку это не приводит к снижению эффективности конституционно-судебных решений и не препятствует объективному и адекватному обозначению характеристик конституционно должного, нормативно наличествующего и сущего.

3. Заключение

Как показывает проведённое исследование, содержание функций, которые выполняет аргументация, существенно варьируется в зависимости от характера обслуживаемой ею

тракуется как способность аргументов, принадлежащих позиции одного агента, противостоять всем выдвинутым против нее контраргументам в споре» (курсив мой. — А. Ч.). См.: Лисанюк Е. Н. Указ. соч. С. 24.

¹⁰⁹ Социологические опросы показывают, что против повышения пенсионного возраста выступают более 80 % россиян. См.: Против повышения пенсионного возраста высказались 80 % россиян // Интерфакс. 2018. 29 июня. URL: <https://www.interfax.ru/russia/619110> (дата обращения: 13.08.2021).

¹¹⁰ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2019 года № 854-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2019. № 4.

деятельности. Поэтому при обозначении функций конституционно-судебной аргументации крайне важно учитывать сущностные характеристики конституционного нормоконтроля. Синтез знаний о механизме осуществления конституционно-судебного контроля с теми возможностями, которые предоставляют аргументативные средства, и обозначение нормоконтрольных задач, которые можно выполнить исключительно путём обращения к аргументации, позволяют выделить нормативно-корректирующую, прогностическую, познавательную и легитимирующую функции конституционно-судебной аргументации.

При этом узловой функцией аргументации, во многом определяющей её целевую направленность, выступает познавательная функция, поскольку конституционно-судебные веления, если они основаны на искажённых представлениях, могут иметь разрушительные последствия для правопорядка. Опирающиеся на ложные суждения решения снижают действенность правового регулирования, множат произвол и несправедливость, которым право и призвано противостоять. Следовательно, аргументация должна в первую очередь позиционироваться в качестве средства борьбы с ошибочными представлениями о должном и сущем. В самом деле, невозможно вынести справедливое конституционно-судебное решение, если знания о его нормативных и фактических основаниях не приближены к истине на максимально близкое расстояние.

Таким образом, можно констатировать, что конституционно-судебная аргументация *нацелена* на формирование достоверных представлений о конституционно должном, нормативно наличествующем и сущем, опираясь на которые орган конституционно-судебного контроля получает возможность осуществить адекватную нормативную коррекцию действующего правового регулирования, отвечающую требованиям обоснованности и легитимности.

Библиографическое описание:

Чирнинов А. Убедить нельзя принудить: цель и функции конституционно-судебной аргументации // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 4 (143). С. 68–96.

To persuade or not to persuade? On the purpose and functions of constitutional argumentation

Aldar Chirninov

Candidate of Sciences (Ph.D.) in Law, Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Senior Lecturer, Ural State Law University, Ekaterinburg, Russia (e-mail: chir-alдар@yandex.ru).

Abstract

Contemporary scholarship has consistently sought to generalize knowledge since the universality of scholarly knowledge is an indispensable attribute of scholarly knowledge itself. Nevertheless, these efforts sometimes encounter obstacles posed by the presence of objects, knowledge about which is difficult to universalize, primarily because of their functional dependence on other processes and phenomena. This is exactly the case with argumentation. Arguing that functions to be performed by argumentation vary considerably depending on the nature of the activity that argumentation serves, this article explores how the process of justification of constitutional judgments contributes to the development and functioning of the legal order and thereby reveals the purpose and functions of constitutional argumentation. Having synthesized the existing knowledge on judicial review of legislation with the possibilities that the means of argumentation provide to courts, and having indicated which judicial review tasks can be performed exclusively by resorting to argumentation, the author identifies the normatively correcting, normatively guiding (prognostic), cognitive and legitimizing functions of con-

stitutional argumentation. This article gives specific reasons for highlighting the aforementioned functions and further details their substance. The author also focuses on the nodal nature of the cognitive function of constitutional argumentation, which is being implemented in three relatively autonomous dimensions: constitutionally due, normatively present, and being. Given that constitutional argumentation performs a normatively correcting function and that a constitutional dispute is characterized by a divergence of interests of its participants, the author refuses to consider the audience's persuasion and its assent to a given thesis as an invariant purpose of constitutional argumentation. The article concludes that constitutional argumentation, because of its dependence on judicial review tasks, is aimed primarily at the formation of adequate understanding of constitutionally so that constitutional review organs may correctly and legitimately assess the constitutionality of a challenged law.

Keywords

legal argumentation; constitutional justice; argumentative functions; reasoning; cognition.

Citation

Chiminov A. (2021) *Uredit' nel'z'ya prinudit': tsel' i funktsii konstitutsionno-sudebnoy argumentatsii* [To persuade or not to persuade? On the purpose and functions of constitutional argumentation]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 30, no. 4, pp. 68–96. (In Russian).

References

- Alekseev A. P. (1991) *Argumentatsiya. Poznanie. Obshchenie* [Argumentation. Cognition. Communication], Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian).
- Aleksy R. (2008) *Yuridicheskaya argumentatsiya kak ratsional'nyy diskurs* [Legal argumentation as rational discourse]. *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava*, no. 1, pp. 446–456. (In Russian).
- Aleksy R. (2011) *Ponyatie i deystvitel'nost' prava (otvet yuridicheskomu pozitivizmu)* [Begriff und Geltung des Rechts], A. N. Laptev (transl.), Moscow: Infotropik Media. (In Russian).
- Alexy R. (2010) *A Theory of Constitutional Rights*, Oxford: Oxford University Press.
- Alexy R. (2011) *A Theory of Legal Argumentation: The Theory of Rational Discourse as Theory of Legal Justification*, Oxford: Oxford University Press.
- Antonov M. V. (2014) *O sistemnosti prava i "sistemnykh" ponyatiyakh v pravovedenii* [The system-icity of law and "system" notions in legal science]. *Pravovedenie*, no. 1, pp. 24–42. (In Russian).
- Arguelhes D. W. (2017) Judges Speaking for the People: Judicial Populism beyond Judicial Decisions. *Verfassungsblog*, 4 May. Available at: <https://verfassungsblog.de/judges-speaking-for-the-people-judicial-populism-beyond-judicial-decisions> (accessed: 12.08.2021).
- Barnett R. E. (2005) *Restoring the Lost Constitution: The Presumption of Liberty*, Princeton, NJ; Oxford: Princeton University Press.
- Belov S. (2017) Razumnost' i ratsional'nost' v konstitutsionnom prave [Reason and rationality in constitutional law]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, no. 4, pp. 9–22. (In Russian).
- Belov S. (2019) Metodologiya opyta aksiologicheskogo analiza Konstitutsii v kommunikativnom kontekste: otvet na kriticheskie zametki A. Troitskoy [The methodology of the experience of the axiological analysis of the Constitution in a communicative context: an answer to critical notes by A. Troitskaya]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 28, no. 4, pp. 99–101. (In Russian).
- Belov S. (2019) Tsennosti rossiyskoy Konstitutsii v tekste i v praktike eyo tolkovaniya [Values of the Russian Constitution in its text and in practice of its interpretation]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 28, no. 4, pp. 68–83. (In Russian).
- Blokhin P. D. (2013) Problema analogii v konstitutsionnom sudoproizvodstve v kontekste diskussii o pretsedentnoy prirode resheniy Konstitutsionnogo Suda RF [The problem of analogy in constitutional proceedings in the context of the discussion on the precedent nature of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, no. 4, pp. 19–30. (In Russian).

- Bobrova A. S. (2014) Teoriya argumentatsii segodnya i problema sub'ekta [A theory of argumentation today and the subject's problem]. *Ratsio.ru*, no. 13, pp. 7–19. (In Russian).
- Chemersinsky E. (2002) The Rhetoric of Constitutional Law. *Michigan Law Review*, vol. 100, no. 8, pp. 2008–2035.
- Chirninov A. (2020) Puti — ispovedimy? Argument k posledstviyam i ego ispol'zovanie v praktike konstitutsionnogo pravosudiya [Does God move in a mysterious way? The argument from consequences and its use in constitutional justice]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 29, no. 2, pp. 33–57. (In Russian).
- Chirninov A. (2020) Razreshenie politicheskikh voprosov sredstvami konstitutsionnogo pravosudiya: iskhodnye punkty argumentatsii v sravnitel'no-pravovoy perspektive [When political questions and constitutional justice meet: the starting points of argumentation in a comparative perspective]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 29, no. 4, pp. 55–79. (In Russian).
- Ezhkova V. A. (2020) Diplomatskaya ritorika: zhanrovoye svoeobrazie i stroenie argumentatsii [The diplomatic rhetoric: genres and structure of argumentation]. In: Daletsky Ch. B., Platko A. Yu. (eds.) *Ritoricheskie traditsii i kommunikativnye protsessy v epokhu tsifrovizatsii* [Rhetorical traditions and communication processes in the era of digitalization], Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet, pp. 266–281. (In Russian).
- Gadzhiev G. A. (2013) *Ontologiya prava: (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo kontsepta deystvitel'nosti)* [Ontology of law: A critical study of the legal concept of reality], Moscow: Norma; INFRA-M. (In Russian).
- Ivin A. A. (2015) *Teoriya i praktika argumentatsii: uchebnik dlya bakalavrov* [Theory and practice of argumentation: a textbook for undergraduates], 2nd ed., Moscow: Yurayt. (In Russian).
- Kelsen H. (2015) Chistoye uchenie o prave [Pure theory of law], M. V. Antonov, S. V. Lyozov (transl.), 2nd ed., Saint Petersburg: Izdatel'skiy dom “Alef-Press”. (In Russian).
- Kennedy D. (2018) Proportionality and “Deference” in Contemporary Constitutional Thought. In: Perišin T., Rodin S. (eds.) *The Transformation or Reconstitution of Europe: The Critical Legal Studies Perspective on the Role of the Courts in the European Union*, Oxford: Hart Publishing, pp. 29–58.
- Knyazev S. D. (2019) Nebessporno... o konstitutsionno-pravovykh sporakh [Non-indisputably... about state-law disputes]. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 54–59. (In Russian).
- Kokotov A. N. (2014) Konstitutsiya: ponyatie, sushchnost', funktsii [The Constitution: notion, essence, functions]. In: Kokotov A. N., Salikov M. S. (eds.) *Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnik dlya bakalavrov* [Constitutional law of Russia: a textbook for undergraduates], Moscow: Norma; INFRA-M, pp. 62–79. (In Russian).
- Kokotov A. N. (2020) Predvaritel'nyy kontrol' pravovykh aktov Konstitutsionnym Sudom Rossii [Preliminary control of legal acts by the Constitutional Court of Russia]. *Zakon*, no. 12, pp. 29–39. (In Russian).
- Krotkov E. A. (2013) O rassuzhdenii kak metode poznaniya [On reasoning as a method of cognition]. *Voprosy filosofii*, no. 6, pp. 170–180. (In Russian).
- la Torre M. (2010) *Constitutionalism and Legal Reasoning*, Dordrecht: Springer.
- Lisanyuk E. N. (2015) *Logiko-kognitivnaya teoriya argumentatsii: dis. ... d-ra filos. nauk* [Logical-cognitive theory of argumentation: Dr. in phil. sci. diss.], Saint Petersburg. (In Russian).
- Migunov A. I., Lisanyuk E. N. (2018) Teoriya argumentatsii: konkurentsia sovremennykh issledovatel'skikh podkhodov [Argumentation theory: competition between modern research approaches]. *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, no. 1, pp. 77–87. (In Russian).
- Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. (1971) *The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation*. Notre Dame, IN; London: University of Notre Dame Press.
- Poggi F. (2021) Defeasibility, Law, and Argumentation: A Critical View from an Interpretative Standpoint. *Argumentation*, vol. 35, no. 3, pp. 409–434.
- Povarnin S. I. (2015) *Spor: O teorii i praktike spora* [Dispute: On theory and practice of dispute], 5th ed., Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian).

- Sivitskiy V. A. (2010) Presumptsiya konstitutsionnosti normativnogo pravovogo akta: ot del'nye aspekty [The presumption of constitutionality of a normative legal act: selected issues]. *Yuridicheskaya tekhnika*, no. 4, pp. 499–502. (In Russian).
- Timoshina E. V. (2020) Normativnost' printsipov prava [The normativity of legal principles]. In: *Printsipy i tsennosti v prave: doktrina, pravotvorchestvo, realizatsiya* [Principles and values in law: doctrine, lawmaking, implementation], Kaliningrad: Baltiyskiy federal'nyy universitet imeni Immanuila Kanta, pp. 5–13. (In Russian).
- Troitskaya A. (2019) Tsennosti rossiyskoy Konstitutsii: effekt nablyudatelya? [Values of the Russian Constitution: the observer effect?]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 28, no. 4, pp. 84–98. (In Russian).
- Van Eemeren F. H. (2010) *Strategic Maneuvering in Argumentative Discourse: Extending the Pragma-Dialectical Theory of Argumentation*, Amsterdam; Philadelphia, PA: John Benjamins Publishing Company.
- Varlamova N. V. (2013) Normativnost' prava: problemy interpretatsii [The normative substance of law: problems of interpretation]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, no. 4, pp. 76–116. (In Russian).
- Vitarelli A. (2009) Constitutional Avoidance Step Zero. *Yale Law Journal*, vol. 119, no. 4, pp. 837–846.
- Vladimirov A. F. (2012) Funktsiya kak odno iz pervonachal'nykh neopredelyaemykh ponyatiy matematiki ili dialektika kategoriy “predmet” i “funktsiya” [The function as one of the initial non-definitional notions of mathematics, or Dialectics of categories “thing” and “function”]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo agrotekhnologicheskogo universiteta imeni P. A. Kostycheva*, no. 4, pp. 14–21. (In Russian).
- Zaytsev D. V. (2010) Skhemy argumentatsii: igry ritoricheskogo mind'a ili istochnik obshcheznachimosti argumentativnykh rassuzhdeniy? [Argumentation schemes: games of the rhetorical mind or the source of general validity of argumentative reasoning?]. *Ratsio.ru*, no. 4, pp. 57–77. (In Russian).
- Zor'kin V. D. (2016) Aktual'nye problemy deyatel'nosti Konstitutsionnogo Suda RF: voprosy i otvety [Pressing issues of the activity of the Constitutional Court of the Russian Federation: questions and answers]. Available at: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=74> (accessed: 12.08.2021).
- Zor'kin V. D. (2020) Providentia ili o prave budushchego v epokhu tsifrovizatsii [Providentia, or On the law of the future in the digital age]. Available at: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=87> (accessed: 12.08.2021).